

Недавно телевидение показало фильм Анатолия Никитина "После войны – мир". Сделанный в 1988 году, он шел к зрителю восемь лет. Его со скрипом разрешило закончить студийное начальство, уже на стадии перезаписи решая: а не заменить ли им режиссера? От готовой картины с возмущением отказались редактор, музыкальный редактор и сценарист, потребовавший снять свою фамилию из титров (Н.Сидоров – псевдоним известного мастера, ноотрез отказавшегося от чести занести эту картину в свой творческий актив, но при этом взявшего-таки причитающийся гонорар). Когда фильм, несмотря ни на что, все же был закончен, то напечатали всего несколько копий – в Москве его недолго показывали в одном только кинотеатре, на детском, девятичасовом сеансе. Вроде бы и был фильм, и в то же время – кто его видел? Кто о нем что-нибудь слышал, пока в 1995 году дотошные организаторы Выборгского фестиваля не выкопали его из архивов и не показали в конкурсной программе. Он покорила и жюри и критиков, получив сразу два приза – Главный приз фестиваля и приз Прессы.

Никитину пятьдесят один год. ВГИК окончил в 1973 году, учился у Кулешова (это был последний курс Мастера). Не считая вгиковских и маленьких заказных работ, поставил как режиссер всего две картины: дебютную короткометражку "Манька" по мотивам рассказа Юрия Казакова, и полнометражную "После войны – мир". Скрамные, безыскусные, сделанные с любовью к людям, тонким чувством среды, умением несколькими штрихами создать настроение, атмосферу, передать аромат времени.

Есть режиссеры, ловко режиссирующие собственную судьбу, прекрасно знающие, что и когда лучше сделать, с кем наладить связи, как "раскрутить" свои фильмы. Есть режиссеры, всегда живущие в ауре скандала, спорящие со всеми, эпатажирующие, привлекающие внимание общественности уже самим фактом постоянного неприятия общепринятых норм. Никитину же, наивно считающему, что, сняв фильм, он свою задачу выполнил, и стоящему в стороне от тусовок, выпала судьба необъяснимого замалчивания. Его фильмов как бы не существовало, их не обсуждали, о них не писали, их никому не показывали. Началось все со вгиковской курсовой, альной экранизации рассказа Юрия Казакова "Лиомпа". Тарковский, посмотрев тогда эту странную, сюрреалистическую ленту, сказал молодому режиссеру: "Ты ее сделал лет на десять раньше, чем следовало". И, действительно, кто в шестьдесят девятом во ВГИКе мог оценить фильм, в котором сюжет – только намек, главный герой (Валентин Никулин) мучается предсмертными галлюцина-

циями, а само действие (точнее, бездействие героя, существующего в таинственно-мрачной квартире, в которой каждый предмет – некий знак, символ) обрамлено прихотливым, визуальным зарифмованным монтажным узором: мальчик, играющий с ракушкой, слепой шарманщик, бегущий карлик, панорама по облупленным кирпичным стенам нескончаемо длинного дома, небо, птицы.

Эта склонность Никитина к ритмически организованной, "закольцованной" композиции фильма, к введению в бытовую ткань ирреальных или поэтических мотивов, проявится и в его двух последующих картинах. В каждой по-своему.

В "Маньке" режиссер за неторопливым, обстоятельным рассказом об одном дне поморской девчонки-почтальонши Маньки (Ольга Онищенко), влюбленной в молодого рыбака Перфилия (Александр Карин) увидит как главное – дику красоту северного края, силу, таящуюся в ней и подпыхивающую людей, буквально "сросшихся" с природой, говорящих с ней на одном языке. Так обращается к этим дремлющим силам Манька, бормоча свои привораживающие заговоры, ни минуты не сомневаясь, – они помогут.

В "После войны – мир" режиссер опять начнет с монтажно-музыкального зачина: затемнение, самолеты, затемнение, самолеты. Марш. Война... Но фильм не о ней – о мире. Никитин соединит разные планы – быт и поэзию, жестокость и добро, суровую реальность и фантазию, безжалостность истории и тепло неповторимой человеческой жизни. Действие развивается параллельно, вперевивку – в цвете и в черно-белом варианте.

В цвете – история похода двух пацанов-приятелей Борьки (Саша Куличков) и Серого (Олег Моторин) на дальний луг за земляникой. У Борьки заболела мать (Татьяна Одежко), соседка и присоветовала лечение – двадцать пять стаканов земляники, как рукой снимет! И вот мальчишки идут за ягодой. Сумрачный лес, рассыпчатая дробь дятла, белая кобыла с жеребенком, жаркое марево летнего дня, зелень луговой травы, полевые цветы, пчелы, звон кузнечиков, синее небо, слепящее солнце. Природа – как сама Жизнь, удивительная, всеохватывающая, всесильная. Солнце – как языческий бог. Недаром к нему в минуту отчаяния обратится Борька: "Солнышко, сожги мамкиного десятика!"

Черно-белые перебивки – шахтерский породок, нескончаемые горы отработанной породы, усталые лица людей, барак, двор. Жизнь, в которой все на виду: кто-то стирает, кто-то выбивает половик, кто-то кормит кур. Мальчишки, предоставленные самим себе, сбиваются в стаи-команды, люто враждующие друг с другом. Их единственное развлечение – кошке на хвост жестянку привязать, да в картишки перекинуться (проигравший пьет кружку воды). Их единственное хобби – стрельба из самопалов. Мальышня собирает спички для этого. Мечта – собрать 1948 штук – ведь на дворе сорок восьмой год! Но эти недетские забавы – еще что. Вот Зверь (Алексей Серебряков) с его дружками – куда посерьезнее. Недаром участковый Скрипкин (одна из лучших ролей Юрия Назарова) мечтает поймать его на каком-нибудь проступке и посадить, пока в армию не ушел – не нужны в Советской Армии бандиты.

Горе и маленькие нехитрые радости, ссоры и примирения, робкая, невысказанная любовь и семейные распри. Эта жизнь кажется оторванной от хода "большой" истории, замкнутой на пятачке двора, на перекрестке железнодорожных путей, в темных помещениях шахты. "Большая" жизнь ворвется в фильм лишь однажды, в длинном хроникальном куске, смонтированном в бодром музыкальном ритме – опять самолеты, марш, улыбающийся Сталин, приветливо дирижирующий страной. Под взмахами его руки бодро шагают демонстранты, льется сталь в цехах, убирают в полях урожай, идут трактора, дымят заводские трубы, плещется рыба, ломаются магазинные полки от избытка товаров, самолеты в небе сложатся в лозунг: "Слава Сталину". Оборвется все просто и страшно – тихими похоронами Скрипкина, убитого местными бандитами. "Ждали мира", – всхлипнет какая-то закутанная в черное женщина. Ждали мира...

А в финале две мальчишечьи компании, сцепившиеся в очередной драке (но теперь уже круто – с самопалами, гранатой), вдруг увидят на рельсах бегущего перед паровозом улыбающегося человека с букетиком полевых цветов. Местный юродивый Библика, попавший год назад под поезд. В начале фильма он снился одному из пацанов. Но тогда (на то он и сон!) поезд сошел с рельс, объехал незадачливого бегуна по траве. Теперь же, наяву, вопреки всем доводам рассудка, вот он, Библика, живой и невредимый, бежит перед паровозом, счастливо улыбаясь. А за ним, вперемешку, бывшие враги, "кирпичники" и "деревянщики", позабывшие вмиг свою ненависть.

● Кадр из фильма "После войны – мир".

Ждали мира

Тамара СЕРГЕЕВА

